

*Моей покойной бабушке,
Джоан Кэмерон,
самой захватывающей и виртуозной
рассказчице*

Глава первая

У Розмари, бывшей девушки моего парня, такие же густые брови, как у меня. У нее точно такие же волнистые темно-рыжие волосы и округлые бедра.

Я стою через дорогу от ее офиса в объемном бордовом свитере и темных очках и наблюдаю. Мне хочется знать, кто она: из тех, кто уходит в пять вечера, чтобы попасть в спортзал или застать часы скидок в баре, или же из тех, кто до восьми рассылает электронные письма в окружении пустых столов.

Но она выходит из здания в 18:35, и я понимаю — она не относится ни к тем, ни к другим.

На плече у нее шопер с логотипом «Нью-Йоркера»¹: для меня это признак банальности, конформизма. Она перебегает четырехполосную дорогу, когда светофор отсчитывает последние две секунды. Машины сигналият, а она жует мятную конфету.

Я точно знаю вкус конфеты, потому что стою рядом с ней на платформе станции метро «Фултон» и чувствую запах. Отчаянно сопротивляюсь желанию прикоснуться к ней: вдруг она растворится.

---

¹ «Нью-Йоркер» — американский еженедельный журнал, посвященный культурной и литературной жизни, как правило, именно Нью-Йорка.

Вблизи Розмари не похожа на свои инстаграмные¹ фотографии. Она явно использует разные фильтры, добавляя тени и насыщенность. Ее живот более плоский, чем у меня, зато грудь гораздо меньше. Гладкая и сияющая кожа, но квадратная челюсть, как у мужчины. На снимках она поджимает губы, вместо того чтобы показать все зубы, как это делаю я.

Теперь-то мне удастся разглядеть ее зубы. У нее острые клыки, как у хищника. Наверное, это говорит о том, что я симпатичнее Розмари, но как знать? Вдруг Калебу понравился этот вампирский оскал.

В поезде она вставляет в уши крохотные белые «Эйр-подс», и я в ответ надеваю объемные шумопоглощающие наушники. Хотя в вагоне хватает сидячих мест, Розмари прислоняется к двери, закрывает глаза и начинает отбивать такт ногой. Я тоже стою, но мои глаза открыты. Половину моего лица скрывают огромные темные очки — как у звезд, избегающих папарацци, — и я могу пристально разглядывать людей. Анонимность — залог успешного наблюдения.

На станции «Уолл-стрит» в поезд набивается куча тел в деловых костюмах, и те, кто стоит у дверей, вынуждены потесниться. Несмотря на октябрьский холод, вагоны пока не отапливаются. Посреди этого столпотворения мне удастся занять место рядом с Розмари. Рукав моего свитера задевает ее локоть в джинсовой куртке — посмотрим ли мы друг на друга? Но она так и не поднимает взгляд. Два дюйма² разницы в росте играют мне на руку — я вижу ее экран, пока она пролистыва-

---

¹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

² 2 дюйма — примерно 5 сантиметров.

ет исполнителей и альбомы, выбирая в итоге «Дышать под водой» группы «Хайатус Кэйоти». Мне становится неприятно, когда я понимаю, что Калев — мой парень, ее бывший — вот уже несколько недель каждый раз ставит эту песню во время готовки, измельчая лук под звон барабанных тарелок.

Затем она сочиняет твит о романе, который сейчас редактирует, — книга удостоилась отзыва «Нью-Йорк таймс». Розмари без конца стирает и переписывает его, и меня так и тянет вырвать телефон у нее из рук. *«Я знаю, ты ищешь баланс между гордостью и скромностью, — скажу ей я. — Дай сюда».*

Я изучаю ее лицо, пока она не выходит на станции «Атлантик-авеню», в районе Форт-Грин в Бруклине. Следую за ней. Розмари идет вниз по улице, поворачивает налево, направо, а потом набирает код и входит в современное здание в индустриальном стиле с окнами до пола. Просто бельмо на глазу в окружении старинных особняков из красновато-коричневого песчаника.

Я не могу пойти за ней, поэтому направляюсь в пивной бар с террасой в паре кварталов отсюда. Заказываю брецель размером с мое лицо и пью сезонное пиво: по вкусу напоминает банановый хлеб. Затем звоню Калеву и спрашиваю, не хочет ли он присоединиться.

— Где ты? — спрашивает он.

Прикрыв микрофон рукой, уточняю адрес у официанта. Заговорщицки подмигнув, он шепчет название бара. Я повторяю его Калеву.

Повисает пауза.

— Почему ты в Форт-Грин?

— Пишу сцену, и действие происходит здесь. Сбор данных.

Его голос смягчается.

— Скоро буду.

Положив телефон, я записываю некоторые детали — пешеходный переход, твит, сумка-шопер, локоть в джинсовой куртке, касающийся рукава моего свитера. Это начало книги — моей книги. Кажется, я нашла историю, которую стоит рассказать. До этого я писала только короткие рассказы — не больше двадцати страниц; ничто не цепляло меня настолько, чтобы удостоиться башни из слов. Но наконец-то жизнь заинтересовала меня. Возрадуйтесь, сторонники, утрите нос, скептики — сама я каждый день попадаю то в одну, то в другую категорию — я напишу роман.

Калев приезжает полчаса спустя и с тревожным видом оглядывается вокруг, словно ожидая увидеть призраков. Я окликаю его.

— Что за сцена? — Он садится на соседний стул. — Пытаешься описать, как солнечный луч скользит по изысканному песчанику?

Я наигранно смеюсь, не понимая, издевается ли он надо мной.

— В точку.

— На работе сумасшедший дом, я чуть ли не с самого утра мечтал о баре напротив. Но не думал, что меня занесет настолько далеко.

Калев живет в Вашингтон-Хайтс, а я в двухстах кварталах на юг, в Гринвич-Виллидж, что гораздо ближе к его офису в Финансовом округе. Стал бы он видаться со мной так же часто, если б я жила в другом месте?

— Наверное, я очень тебе нравлюсь, — замечаю я.

— Разумеется. — Калев откидывает прядь с моего лба. Киношный жест, но это приятно. — Вообще-то я бывал здесь раньше.

Притворяюсь удивленной.

— Правда?

— Ну... моя бывшая живет неподалеку. — Его рука по-прежнему играет с моими волосами. — Мы пару раз заглядывали сюда.

— Черт. Я не знала... вдруг она сейчас объявится?

— Боже, надеюсь, что нет. — Кaleb берет принесенный официантом стакан пива. — Здесь полно других баров.

— Все будет хорошо, — заявляю я с деланой уверенностью и сжимаю его руку, словно напоминая: ты здесь, ты со мной.

* * *

Два дня спустя, в мой выходной, я возвращаюсь к офису Розмари и нахожу скамейку, где можно почитать. У меня с собой книга, которую она редактировала, под названием «Единственный в своем стаде» — сборник эссе, автор которых выросла на скотоводческой ферме в Вайоминге. Я стащила ее из коробки с новинками в кладовке книжного магазина, где я работаю. Официально она выйдет только через несколько недель, но я пообещала себе, что буду быстра и осторожна — никаких следов на страницах или корешке, — а затем просто верну ее в коробку до начала продаж. Мне нужно иметь что-то осязаемое от Розмари, пусть даже ненадолго.

Периодически поглядывая на вращающиеся двери здания, я успеваю прочитать тридцать две страницы, когда Розмари выходит, копясь в своем шопере в поисках «Рэй-Бенов»¹.

На углу она поворачивает на запад. Я кладу книгу в собственный шопер — на нем изображена женщина в очках с кипой романов Джейн Остен — и успеваю за-

---

¹ «Рэй-Бен» — известный бренд солнцезащитных очков.

метить, как ярко-синее хлопковое платье Розмари исчезает за дверью кафе. У меня тоже в горле пересохло, и мне нужен кофеин. Так что я захожу следом за ней.

Розмари разглядывает исписанное мелом меню. Одна из тех, кто внимательно изучает каждый напиток и при этом все равно заказывает как обычно? Она похожа на любительницу латте на обезжиренном молоке.

— Мне, пожалуйста, масала-кофе со льдом, — просит она у бариста.

— Это же мой напиток, — возмущаюсь я неожиданно громко.

Розмари поворачивается.

Я в ужасе, но все внутри так и кипит. Слова лезут наружу.

— Редко кто заказывает его при мне, — выпаливаю в качестве объяснения. — Но кому-то он должен нравиться, я же как-то узнала, — меня несет, — про существование эспрессо с чаем.

Внутри меня все клокочет от того, как ужасно банальна наша первая встреча лицом к лицу, и я вся краснею. Затем Розмари отвечает мне:

— Да, это довольно вкусно. — Она осматривает меня. — Между прочим, классный шопер.

У нее хриплый и неожиданно низкий голос. Манящий.

Я смотрю в пол:

— Большое спасибо.

Мне хочется снова услышать ее голос, но она наклоняет голову, проверяя телефон: наш разговор окончен. Позади булькает кофемашина. Бариста передает ей напиток — у Розмари фиолетовые ногти, — и ее губы смыкаются на соломинке. Я заказываю то же самое, по-прежнему звеня от нервной энергии, и выхожу под яркое октябрьское солнце.

Розмари исчезла.

Я была готова ждать ее весь день, а теперь не знаю, что делать со свободным временем. Я прохожу несколько улиц и сажусь на берегу Гудзона, застегнув цветочный бомбер до подбородка. Времена года меняются, листопад в самом разгаре. Тротуар усыпан золотистыми листьями. Ветер кусается. Мне больше не требуется наносить дезодорант на внутреннюю сторону бедер, чтобы они не натирали.

В приложении «Заметки» на айфоне занову несколько деталей — ярко-синее хлопковое платье, хриплый голос, наш масала-кофе, ее фиолетовые ногти. Позже я выстрою саму сцену.

Сейчас без нескольких минут одиннадцать: Розмари, похоже, выбирает ранние перерывы на кофе. Может быть, она сварила первую чашку на рассвете и медленно потягивала ее на кухне, вдыхая аромат. Может быть, она обычно берет с собой кофе перед тем, как сесть в метро, а потом пытается пить его, зажатая со всех сторон другими пассажирами. А когда наступает предобеденная усталость, она выходит за третьей чашкой. Я тоже целыми днями пью кофе в надежде, что это заставит меня действовать. Возможно, нас объединяет обезвоживание.

А может быть, Розмари вчера ночью допоздна сидела с друзьями, может, даже ходила на свидание и этим утром проснулась голой в чьей-то постели. Но я не представляю, зачем женщине, влюбленной в кого-то другого, слать своему бывшему — Калебу — электронное письмо с вопросом, как дела и могут ли они увидеться. Зачем им встречаться, если только она не хочет все вернуть и разжечь былую страсть?

Отчасти поэтому я здесь. Чтобы узнать правду. Героиня в моем воображении — я сама, только куда более смелая, решительная, отчаянная. Наблюдать, ничего не предпринимая, — это тупиковый путь. Возможно, мне

стоило пролить кофе на ее шопер, или громко рыдать из-за воображаемого разрыва, чтобы привлечь внимание, или схватить мешок кофейных зерен и сбежать с ним. Во имя искусства я готова совершать отчаянные поступки, невзирая на социальные условности. Смотрите: это мой интеллектуальный эксперимент, моя творческая задумка. Кто посмеет осудить меня за такую целеустремленность?

* * *

Я познакомилась с Калебом полгода назад, в мае, в «Тиндере». Мне было двадцать четыре, и я никогда ни с кем официально не встречалась. И вот время пришло. Я хотела стать достойной любви и набрать материала, чтобы написать об этом.

В моем профиле было указано, что я писательница из Нью-Йорка, у меня есть татуировка книжной цитаты и полосатый рыжий кот по кличке Ромео. (Мне пришлось несколько однотипных шуток, готова ли я к еще одному «Ромео» в своей жизни: мгновенный бан.) Я добавила фотографии, где улыбаюсь во весь рот на фоне Скалистых гор (значит, активная), стою с пивом (ближе к народу, «на чиле»¹), смотрю сквозь книжные полки в магазине в очках с роговой оправой (умная, но крутая).

В своем профиле Калеб написал только то, что он математик, работает в области моделирования катастроф и переехал из Великобритании. Он выложил всего один — один! — снимок, где он в стильном шерстяном пальто и шарфе стоит на Бруклин-Хайтс-Променад, а позади него вырисовывается контур Манхэттена. Я редко свайпила² вправо, если у мужчины в

¹ Чил, чилить (от англ. chill) — развлекаться, отдыхать.

² Свайпить (от англ. swipe) — проводить пальцем по экрану.

профиле было меньше трех фотографий, но что-то в яркой, открытой, немного смущенной улыбке Калеба покорило меня. Мне показалось, будет весело показать ему мой город.

До Калеба я обменивалась настойчивыми взглядами с симпатичными посетителями книжного, и эти взгляды были продолжительными и глубокими, но никогда ни к чему не приводили, так что я врывалась домой изголодавшейся. Порой у меня было по три свидания в неделю с несостоявшимися певцами-авторами песен, актерами, режиссерами и поэтами из «Тиндера». Первые свидания проходили хорошо, потому что я могла притвориться кем угодно, как и они, — и мы прилежно исполняли свои роли. Смех, долгие многозначительные прикосновения, банки дешевого пива, пафосные разговоры о том, как «творить искусство». Затем мы трахались. В постели я исполняла любые желания мужчин. Второе и третье свидание не заставляли себя долго ждать. Но затем они переставали мне писать. Думаю, дело было в том, что мы больше не смотрелись убедительно в своих ролях. Я говорила себе: не стоит принимать это близко к сердцу — раз я не открылась перед ними по-настоящему, значит, они отвергают не меня.

Возможно, пришло время познакомиться с кем-то милым, честным, нездешним. Кем-то, кому ближе цифры, чем искусство. Калев казался замечательным кандидатом.

Первое свидание прошло в баре неподалеку от моего дома, там был автомат для проигрывания песен, аквариум и пыльная коллекция настольных игр. Калев выглядел привлекательнее, чем на фото, пожалуй, привлекательнее даже, чем все исчезнувшие из моей жизни мужчины. У него были длинные темные волосы, доходившие до плеч, и почему-то эта деталь казалась важной.